

Макс Фрай

ЛОВЦЫ КНИГ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф82

Фрай, Макс
Ф82 Ловцы книг. Подарочное издание / Макс Фрай — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 704 с. — (Макс Фрай: подарочное издание).

ISBN 978-5-17-185044-9

Что мы знаем об этой книге?

Что вот прямо сейчас, когда книги писать бессмысленно, потому что ни в каких человеческих делах смысла явственно больше нет, я сижу и пишу идеальную (с моей точки зрения) книгу, роман в трёх частях.

О том, что мне интересно и нравится. Вот, к примеру, о Вильнюсе и Лейне, о Грас-Кане и бескрайних степях Улимхайя, о Тёнси, в конце концов. О себе и своих друзьях, как мы с ними отлично проводим время, когда встречаемся или снимаю, или заново придумываем друг друга, потому что забыли, но не можем перестать вспоминать. И о том, насколько мы вместе даже в разлуке, когда между нами не просто тысячи километров, а реки текущего в разные стороны времени, не случившиеся события и недостижимые миры. И о том, какие мы у нашего неизъяснимого Автора получились отличные. Как круто в любых обстоятельствах нами быть.

Роман в трёх частях.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-185044-9

© Макс Фрай, текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Литературно-художественное издание
Дебю-көркем басылым
МАКС ФРАЙ: ПОДАРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1,
комната 705, помещение I, этаж 7
Наш электронный адрес: ask@ast.ru

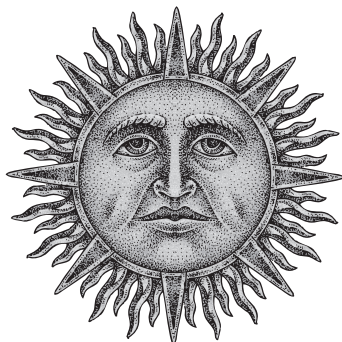
Макс Фрай
ЛОВЦЫ КНИГ
Подарочное издание

Заведующая редакцией *Ангелина Швырева*
Ответственный редактор *Александра Короткова*
Дизайн обложки *Анастасия Орлова*
Верстка *Ольги Сухаревой*
Корректоры *Ирина Манлыбаева*,
Вероника Куренинова

Подписано в печать 19.09.2026 г.
Печать офсетная. Бумага типографская.
Гарнитура Petersburg
Формат 84x108/16 Усл.печ.л. 73.92
Тираж 2000 экз. Заказ №
Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — книги, брошюры печатные.
Произведено в Российской Федерации.
Изготовлено в 2026 г.

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21,
1 қурылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз : www.ast.ru
E-mail: ask@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан
и Представитель по приему претензий в Республике
Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.
Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан
Республикасында наразылықтарды қабылдау бойынша
өкіл - «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы
қ. Домбровский көш., 3«а», Б литері офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 90, 91,
факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107; E-mail: RDC-
Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz Тауар белгісі: «АСТ»
Өндірілген жылы: 2026
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация қарастырылмаған

ЛОВЦЫ КНИГ

• Что мы знаем о Лейне?

Что это город у моря, скорее даже город вдоль моря: в длину сорок семь километров (это если считать без пригородов), в ширину — максимум три. Жить далеко от моря в приморском городе нет дураков.

• Что мы знаем о Лейне?

Что там зеркальное небо; впрочем, только над центром и примыкающими к нему городскими пляжами; на окраинах Лейна, над крытым Прибрежным рынком, корабельными доками, районами Козни, Политехнический и Сады небо вполне обычное, днём бирюзовое, тёмно-лиловое, звёздное по ночам. А что созвездия нам незнакомы, так это как раз нормально. Странно было бы ждать, что мы увидим над Лейном нашу Большую Медведицу, Орион или Большого Пса.

• Что мы знаем о Лейне?

Что там хозяйничают два ветра. Тёплый приходит с моря, холодный приходит с гор; по счастливому совпадению морской — весельчак и гуляка, а горец ленив, поэтому зимы в Лейне редкие и короткие, две-три недели, да и то не каждый год. Горожане от них в восторге, потому что, во-первых, когда заснеженные крыши и тротуары отражаются в зеркале неба, это очень красиво, а во-вторых, после каждой зимы непременно наступает весна.

• Что мы знаем о Лейне?

Что весной на его площадях и бульварах цветут черешни и сливы, их так много, что даже в море плавают белые и розовые лепестки. Что всякое лето в Лейне кажется вечным, а деревья меняют цвет листьев, не дожидаясь осени, не из насущных соображений и не вследствие каких-то внешних воздействий, а просто для красоты.

Что в самые жаркие дни с гор прилетают прозрачные птицы, рыбу они не ловят, гнёзд не вьют, не выводят птенцов, только целыми днями кружат над городом, а в сумерках улетаются; существует гипотеза, что прозрачные птицы вместо пищи поглощают солнечные лучи. Местные чайки прозрачных птиц опасаются, не задирают, хотя они в Лейне такие же наглые и бесстрашные, как во всех приморских городах.

• Что мы знаем о Лейне?

Что Лейн — неофициальная (другой им не надо) столица Сообщества Десяноста Иллюзий; на самом деле неточный, плохой перевод. Значение слова „иллюзия“ — „не-что кажущееся, следствие искажения восприятия“, и происходит оно от латинского слова „illutio“, то есть обман. А Лейн, как любой другой населённый пункт Сообщества Десяноста Иллюзий, проложенные между ними дороги, текущие реки, озёра, степи, горы, болота, пустыни, моря и леса, — не обман, а действительность, данная в (восхитительных) ощущениях всем своим жителям и гостям. Однако более точного перевода я подобрать не могу: в нашем языке нет специального слова, обозначающего реальность, родившуюся из наваждения, материю, сгустившуюся из идеи, жизнь, возникшую из мечты.

(Впрочем, мой перевод вполне годится, если вспомнить предположение филологов-латинистов, что в основе слова „illutio“ лежит „lucis“ — свет.)

• Что мы знаем о Лейне?

Что Сообщество Десяноста Иллюзий занимает пространство, которое вряд ли можно назвать „планетой“, скорее уж „облаком“, если местные жители однажды запустят на орбиту какой-нибудь спутник, на сделанных из космоса фотографиях их

мир будет выглядеть примерно как-нибудь так. Но когда живёшь там, особой разницы нет; я имею в виду, что земля под ногами жителей Лейна так же тверда, как под нашими, солнечный свет так же ярок, тени прохладны, и воздух, насыщенный кислородом или его аналогом, для дыхания совершенно необходим. А если хочешь попасть из Лейна, к примеру, в Адани, покупаешь билет на поезд и сутки трясешься в купе, до Шамхума — арендуешь машину или ловишь попутку, другого сообщения с ним пока нет, а тот, кому надо в Мэй-Арован, садится на пароход и дней через восемь, если не десять, сходит на берег, путь неблизкий, это Второй Континент Алали (Первый Континент называется Нарн, а есть ещё Третий — Шри). Самолётом можно добраться гораздо быстрее, но пассажирская авиация здесь пока не особо развита, не потому что техника не позволяет, просто на авиацию спрос невелик; в Сообщество Девяноста Иллюзий входят очень разные страны и города-государства, их жителям иногда бывает трудно понять друг друга, но в этом вопросе как сговорились: всем нравится неспешно путешествовать по земле. Поэтому развитием авиации занимаются немногочисленные любители, а деловые люди, когда уж очень торопятся, обращаются за помощью к ним.

(Штука, конечно, ещё и в том, что, когда живёшь в мире, порождённом иллюзией, вполне обычное дело заснуть в одном месте, а проснуться в другом. Это не то чтобы повседневная норма, но с каждым может произойти; с кем-то такое случается почти ежегодно, с кем-то всего пару раз за всю жизнь и считается счастливым событием, даже когда происходит нехотя — накануне защиты диплома, или перед важным свиданием, или гости приехали, или просто надо срочно закончить рабочий

проект. Ничего, телефонная связь между всеми городами Сообщества давно налажена, отовсюду можно своим позвонить, окружающие относятся с пониманием, не сердятся, помогают с обратным билетом, переносят дэдлайны и даты мероприятий, спокойно ждут.)

• Что мы знаем о Лейне?

Что из всех городов, входящих в Сообщество Девяноста Иллюзий, он имеет самый высокий коэффициент достоверности: сто сорок три. Это значит, что сто сорок три живых существа из разных реальностей и миров в разное время видели Лейн в своих грёзах, или его сочиняли, или даже пытались его сотворить (неудачно пытались — в том смысле, что поодиночке ни у кого из них не получилось, но ничьи усилия не пропали напрасно, в итоге каждый сделал свой вклад в то, чтобы Лейн однажды осуществился, и длился, и как бы всегда так и был).

Сто сорок три это очень много. Скажем, Грас-Кан пока имеет коэффициент достоверности одиннадцать, и ничего, стоит, как скала; собственно, он и есть город-скала, прекрасный, как сон подгулявшего декоратора, вожденная цель всех любителей путешествий, для многих недостижимая, потому что прыгает с места на место, в смысле, хаотически перемещается по всему Третьему Континенту Шри, никакие карты не помогают, только страсть и удача, но если уж ты приехал в Грас-Кан, там всё будет нормально, я имею в виду, Грас-Кан не галлюцинация и не мираж, под ногами твёрдая почва, еда насыщает, вино опьяняет, вокруг примерно такие же люди, как дома, обычная повседневная жизнь. Всем понятно, что нестабильность положения Грас-Кана в пространстве — временное явление, всё-таки коэффициент достоверно-

сти одиннадцать для воплощения очень мал; ничего страшного, Грас-Кан ещё не раз кому-то приснится, привидится, может быть, о нём снимут мультфильм или напишут роман, короче, однажды коэффициент достоверности возрастет до тридцати-сорока и метания прекратятся, а пока хорошо и так.

Но речь сейчас не о Грас-Кане, а о Лейне, чей коэффициент достоверности так высок, что на нём здесь в каком-то смысле всё держится, как карусель на столбе. Каждая из девяноста иллюзий Сообщества —

самодостаточное явление, но цельность, связность этого мира всё-таки началась с него.

- Что мы знаем о Лейне?

Что воздух там солон и сладок, тьма веселит, солнечный свет исцеляет, а жизнь даже в горе легка.

- Что мы знаем о Лейне?

Что мы о Лейне ничего знать не можем, потому что с нашей точки зрения нет никакого Лейна. (Но в Лейне знают о нас.)

ЛЕЙН, ВЕСНА 1-го ГОДА ЭТЕРА

Дилани Ана сперва заперла за собой дверь и только потом запела; то ли это означало высокую степень конфиденциальности предстоящей беседы, то ли просто было проявлением милосердия по отношению к дежурному секретарю, Тэко Машши не успел разобраться, потому что его зацепила — не сама незнакомая песня, а её интонация, настроение, может быть, какое-то необычное чередование гласных с согласными; ладно, будем считать, её метасмысл.

— This is the end, beautiful friend¹, — пела Дилани Ана; строго говоря, это не называется «петь», это называется «выкрикивать, подвывая»; при всём уважении к Дилани Ане, вокал не самая сильная её сторона. — This is the end, my only friend!

На этом месте она пустила такого дупераздирающего петуха, что даже Тэко Машши перекосило, хотя он никогда не слышал оригинала в нормальном исполнении, и в ненормальном тоже не слышал, прекрасно, между прочим, без него обходился, невозможно знать всё. У Тэко Машши другая специализация, он когда-то начал свою карьеру в издательском бизне-

се как первый переводчик с каорги, это группа языков цивилизации Хойна, художественная литература там появилась недавно, и произведения, потенциально интересные хотя бы относительно широкому кругу читателей, по пальцам пересчитать. Из чего можно сделать два вывода: Тэко Машши лёгких путей не ищет, и он не знаток англоязычной поэзии, тем более не любитель рок-музыки цивилизации ТХ-19, хотя, безусловно, глубоко уважает это потустороннее культурное явление — по умолчанию, не вникая, просто потому что живые, возможно даже разумные существа его создавали, старались, значит, хоть кто-то должен теперь этот ужас глубоко уважать.

— Я не знаю языков ТХ-19, кроме французского, который взял на шестом, что ли, курсе специально для прохождения обязательной практики, — на всякий случай напомнил он. — Но чувствую, что в тексте, который ты декламируешь, содержится сообщение о проблеме. Объясни человеческими словами, что не так?

— Ой, да! — горячо подтвердила Дилани Ана. — Ещё о какой проблеме! Знал бы ты, какой там дальше текст! Father, I want to kill you, mother, I want to fuck you...

— Что-что?

На самом деле Тэко Машши не особенно интересно, но, когда в твоём присутст-

¹ На всякий случай (вдруг это читают дети) имеет смысл пояснить, что здесь и далее фрагменты текста песни «The End» американской культовой рок-группы The Doors.

вии цитируют фрагменты потусторонней лирики, невежливо не спросить перевод.

— Тебе такой ужас не надо, — рассмеялась Дилани Ана. — Забей! Главное, что у нас с тобой нет таких проблем. И вообще никаких... почти. Только одна, совсем небольшая. Кадровая. Довольно легко решаемая. Прости, дорогой, я желаю закрыть контракт.

Тэко Машши, четвёртый (не по рангу, а просто по счёту, до него директоров было три) глава издательского дома СэньДэ («нь» здесь означает немой, то есть неразличаемый органами слуха звук, в момент произнесения которого у говорящего и слушателей всё внутри останавливается — биение сердца, ток крови, дыхание, мысли — только на долю секунды, так что сознание не успевает зафиксировать этот сбой, а треугольнику соответствует сильный и звучный выдох. Теоретически, можно было бы достаточно точно транслитерировать название издательства как «Сэ-ххэ», а не выпендриваться с диковинными закорюками, но я-то как раз люблю выпендриваться и закорюки, и чёрт его знает, когда ещё представится повод рассказать про странный беззвучный запинку-звук), — так вот, Тэко Машши совершенно не удивился. Он свои кадры знает и давно чего-то подобного ждал. Дилани Ана и так занимала должность руководителя отдела переводов ТХ-19 целых четырнадцать лет. То есть Тэко Машши с большим удовольствием оставил бы её ещё хоть на восемьдесят, но «хотеть» не означает «твёрдо рассчитывать», особенно если ты — не мечтатель, а реалист. Тэко Машши прекрасно помнит, как спрашивал Дилани Ану прежде, чем утвердить её назначение: «Ты уверена, что хотя бы пять лет у нас проработаешь?» — и как она долго думала прежде, чем ответить «да». А плюс ещё девять лет к твёрдо обещанным пяти — это подарок. Чудо на самом деле, что Дилани

Ана только теперь собралась уходить. Ловцы книг, как музыканты, бывшими не бывают. На одном месте долго сидеть не могут, каким мёдом это место им ни намажь.

— Ладно, Кай Лара, наверное, справится, — наконец сказал Тэко Машши. — Как думаешь?

— Да естественно справится. Я весь последний год на неё понемногу перекладывала дела.

— Я заметил.

— Ещё бы ты не заметил.

— Ну да, — кивнул Тэко Машши и вернулся к окну, за которым вот прямо сейчас не происходило ничего особенно интересного. Только чайки носились с воплями и сливы на бульваре Приключений цвели.

Наконец он сказал:

— Знаешь, я наверное даже рад.

— Что, так достала? — расхохоталась Дилани Ана.

— Ай, да ну тебя. Чем ты меня, интересно, могла достать? Твой отдел сейчас приносит издательству примерно треть от всего дохода. До тебя была пятая часть, и мне казалось, что лучше работать уже невозможно, но ты показала класс. Просто я от многих слышал, что для опытного Ловца навсегда уйти в другую профессию — катастрофа. Поэтому рад за тебя.

— Да прям-таки катастрофа, — отмахнулась Дилани Ана. — Все люди разные. Для кого как. Мне было нормально. Мне надоела ТХ-19, меня не тянуло туда. Книг с головой хватало, прочитаешь очередную и вздрогнешь: мама дорогая, что за долбанный морок! А я там живьём, целиком столько раз была! Собственно, меня и сейчас туда не то чтобы тянет. Я их совсем разлюбила. Всё, кроме книг и музыки, но книги-то мне оттуда приносят пачками. А коллекция дисков дома лежит.

— Ничего не понимаю, — вздохнул Тэко Машши. — А почему ты тогда закрываешь контракт? Просто устала работать? Так это иначе решается. Отпуск возьми. Хоть на год!

— Не устала. Другое. Я тебе уже говорила, мне не нравятся книги, которые нам из ТХ-19 в последние годы несут.

— Так мне они тоже не нравятся, — с энтузиазмом подтвердил Тэко Машши. — И никогда не нравились! Потому что я странный, как ты сама говоришь. Но объективно, художественная литература реальности ТХ-19 — лучшее, что у нас есть. Интересна читателям, захватывает внимание, даёт толчок для развития и полноценно питает сны. Плюс приносит огромный доход издательству, но это просто приятное дополнение, уж настолько ты меня знаешь, на чём попало зарабатывать я бы не стал.

— Да, — нетерпеливо согласилась Дилани Ана. — Но дело не в том, что у меня изменился вкус. Не изменился! Мне что-то другое в тамошних книгах не нравится. Неуловимое. Горечь пробелов между словами? Тяжесть точек? Смятение теней их авторов? То, о чём все они хором молчат? Не могу сформулировать. Не понимаю! И хочу разобраться. Кто-то должен, а больше никому. Ловцы ничего такого не чувствуют, но это как раз нормально, они проводят там слишком много времени. Некоторые, прикинь, говорят, прощаясь в конце вечеринки: «Всё, пока, я завтра домой». Переводчики тоже не чувствуют, но среди моих переводчиков нет ни одного мало-мальски опытного Ловца. В лучшем случае когда-то неудачно попробовали и бросили, а есть такие, кто даже не начинал. А я как раз опытная. Знаю контекст. И при этом достаточно долго не была в ТХ-19, чтобы

стать там чужой. Смогу сохранять дистанцию, хотя бы первое время. У меня будет ясный и трезвый взгляд.

— Не сомневаюсь, таким он и будет, — сказал Тэко Машши. Чтобы силой своего слова дополнительно утвердить это предположение, а не просто поддержать разговор.

— Спасибо, дорогой. Надеюсь, на месте я пойму, чем мне их последние книжки не угодили. Может, я просто так реагирую на какие-нибудь новомодные тенденции? Консервативной отродясь не была, но мало ли. Всё бывает. Вдруг моя усталость проявляется так? Или Ловцы дружно потеряли нюх и тащат сюда что попало? Кстати, скорее всего, так и есть; но тогда тем более надо изучить ситуацию. Из чего они выбирают? Иными словами, что они нам не приносят, потому что не обратили внимания? Может, это самое крутое сейчас и есть? И, исходя из этого, иначе ставить задачу. В последний раз основные критерии отбора формулировались, страшно даже подумать, лет шестьдесят, если не больше назад. Короче, если так, всё нормально, проблема легко решается. Главное — убедить, что по большому счёту литература ТХ-19 в порядке. Что она не превращается понемногу, незаметно для читателей в яд.

— Я, конечно, не в теме, — вздохнул Тэко Машши. — Твоя ТХ-19 для меня примерно как математика: я рад, что она существует, согласен, что это прекрасно, и бесконечно счастлив, что не обязан её изучать. Но даже мне ясно, что ты права. Когда есть такие сомнения, надо идти разбираться на месте. Хотел бы тебе в этом деле помочь, да чем тут можешь. Разве что оформить твой уход как длительную командировку. Строго говоря, ты же собираешься действовать в интересах издательства, просто по счастливому совпадению это нужно

тебе самой. Не захочешь потом возвращаться на должность — вольному воля. Но своё расследование ты проведёшь для нас.

— Об этом я не подумала, — удивлённо согласилась Дилани Ана. — А ведь да! Ладно, спасибо. Так честно. И приятно. Обожаю командировочные. Можно не экономить, ура!

— И ещё, — крадчиво сказал Тэко Машши, — я мог бы на это время взять твоего кота.

— Да у меня уже очередь из желающих! — рассмеялась Дилани Ана. — Но если не шутишь, у тебя преимущество. Туча очень любит тебя.

— А я его. Хочешь открою ужасный секрет? Когда я прихожу к тебе в гости, всегда вспоминаю Карашский эпос. Конечно, ты не читала, его кроме меня вообще никто

не читал. Это было моё исследование для диссертации, расшифровка первых стеклянных книг кубарачей, найденных в области Улимхайя; неважно. Там трагическая история пришествия в их степи Великой Снежной Зимы начинается с того, что младший брат крадёт у старшего брата говорящее облако. Карашский эпос — история духов, по сюжету они пастухи, пасут облака. И один дух-пастух так сильно полюбил одно из облаков своего старшего брата, что не выдержал и украл...

— Ты вспоминаешь этот эпос, потому что хочешь украсть моего кота? — восхитилась Дилани Ана.

— Ну да, — Тэко Машши закрыл половину лица рукой, как напавший ребёнок. — Кота по имени Туча! Бесстыдно лобовая цитата. Может только поэтому и не украл.

ВИЛЬНЮС, ОКТЯБРЬ 2020

Дана просыпается в полдень и сперва говорит: «Вот спасибо», — а уже потом открывает глаза. «Спасибо» она говорит себе и своей судьбе, и её непостижимому автору, и ещё кому-то причастному (Дана точно не знает, но допускает разные варианты, может там целый небесный офис её судьбой занимается, стараются, косячат, запарывают дэдлайны, ночи не спят) — за то, что проснулась, жизнь продолжается, можно всюду развлекаться, или наоборот, отдыхать. Дана уже давно (по-настоящему, объективно давно, а не в прошлую пятницу, о которой Дана, если ей вдруг напомним, тоже скажет: «ой, так это было сто лет назад») — так вот, однажды Дана решила, что если уж умирать, то только во сне, иначе она не согласна, видела пару раз, как люди наяву умирают, не хотелось бы так. А если уж Дана что-то решила, так и будет, это проверено, разве что не всегда получается быстро. По-настоящему быстро — почти никогда. Дану это бесит ужасно, но что касается смерти, «не получается быстро» это даже и хорошо.

Куница Артемий, спавший в ногах у Даны, открывает один непроницаемо тёмный глаз. Дана улыбается: «Эй, ты в курсе, что ты ночное животное? Спи давай». Артемий закрывает глаз и сворачивается уютным калачиком, он сговор-

чивый. В смысле, знает, с кем связался. Пока Дана не выпьет кофе, курицу из холодильника всё равно не достанет, хоть тресни. Ну и толку тогда вместе с ней подскакивать — чтобы дольше завтрака ждать?

Кот Раусфомштрэнд (Дана когда-то назвала не в меру темпераментного котёнка Нахренспляжа, но потом устыдилась и деликатно перевела), спавший у Даны под боком, открывает оба зелёных глаза, вскакивает, мчится на кухню, но не крутится под ногами, а запрыгивает на шкаф и сидит там, демонстрируя всем своим видом: «да нормально всё, не спеши, пей кофе спокойно, я не голодный, просто хочу быть рядом с тобой».

Они оба ужас какие умные, экс-Нахренспляжа и куница Артемий, большинству людей, по мнению Даны, до них далеко. У бедняг просто выхода не было, у Даны особо не забалуешь, она однажды решила, что у неё могут быть только очень умные звери, жизнь и так непростая штука, не хватало ещё в собственном доме развести дополнительных дураков.

После обеда Дана включает зверям телевизор, канал BBC Earth; для них это как для людей сериалы — к примеру, о викторианской эпохе, по сути условно понятная, но в деталях невообразимая, невозможная

чужая дикая жизнь. Поэтому пока Даны нет дома, телевизор работает, пусть развлекаются с пользой. Если надоест, можно выйти на кухню или стукнуть по пульту лапой; короче, разберутся, не маленькие, Дана привыкла им доверять.

— Я сегодня без вас на работу, — говорит Дана коту и кунице. — Не сердчайте, завтра точно вместе пойдём.

На обеих мордах написано: «даже не думали, ну а как ещё, положен же нам выходной». Звери любят ходить с Даной в бар, но оставаться дома им тоже нравится. И так хорошо, и так.

Дана выходит из дома без четверти шесть, примерно за час до заката, ей предстоит пройти три с небольшим километра через весь Старый Город — идеальный маршрут, никогда не надоест, прогулка мечты; однажды Артур шёл к ней в гости, включив специальное приложение в телефоне, и оно подсчитало, что «Крепость» от Даниного подъезда отделяет четыре тысячи четыреста сорок четыре шага. Дана так нравится это число, что она взяла с Артура честное слово больше никогда шаги по дороге к ней не считать. Будет обидно, если в следующий раз приложение насчитает четыре тысячи четыреста сорок три шага. Или четыре тысячи четыреста сорок пять.

«Tvirtovė», «крепость» в переводе с литовского — это бар Даны. В жизни не думала, вообразить не могла, что однажды откроет бар — на какие шиши? И вообще, лицензия, бухгалтерия, выручка, кассовый аппарат — всё это так ужасно, что даже представлять не хотелось. И до сих пор не хочется. К счастью, оказалось, что можно обойтись без лицензий и бухгалтерии — кроме той, что ведёшь сама, для собственного удобства, чтобы понимать, в плюсе ты

или в минусе, и прикинуть, что в этом месяце покупать. При условии, что ты Дана, которой достаточно твёрдо решить, что с проверками к тебе ни одна зараза не случится. Просто никогда о тебе не узнают, не заметят, мимо пройдут. Неприятных клиентов это тоже касается. Дана не нанималась кого попало обслуживать. Только тех, кто ей нравится. На таких условиях Дана согласна работать. И Артур тоже согласен. Это самое главное — что согласен Артур. Собственно, Пятрас; ай, да неважно, теперь он Артур.

Дана идёт не спеша; впрочем, в её исполнении «не спеша» отличается от спортивной ходьбы только тем, что задница не вихляет, а скорость примерно та же, немногочисленные прохожие заранее расступаются, чтобы не сбила их с ног. Спешила бы, пронеслась бы кометой, испепеляя всё на своём пути, а пепла нам здесь не надо, особенно в октябре, когда земля усыпана кленовыми листьями, а из-под них выглядывают маргаритки, сдуру решившие, что наступила весна; короче, большая удача, что Дана никогда никуда не спешит.

• Что мы знаем о баре «Крепость»?

Что он находится в городе Вильнюсе неподалёку от перекрёстка улиц Паменкальнė и 16-го Февраля. Что он существует там объективно, в смысле, занимает полуподвальное помещение общей площадью сорок шесть метров в доме под номером... стоп, Дана просила не указывать номер, вдруг кто-нибудь неприятный, ненужный случайно всё это прочитает, запомнит адрес, а потом, оказавшись рядом, зайдёт. Обычно в «Крепость» никогда не приходят люди, которые Дана там не нужны, начиная с представителей власти, больших охотников всех вокруг прове-

рять, и заканчивая просто противными дураками, такие всегда идут мимо, не обращая внимания на вывеску, свет в окнах, музыку и голоса, доносящиеся из-за открытой почти в любую погоду двери. Теоретически в «Крепость» может зайти каждый случайный прохожий, а на практике плохие гости туда не сунутся, им не захочется, даже в голову не придёт. Но Дана слегка опасается, что знание номера дома может оказаться чем-то вроде специального пропуска, в том смысле, что реальность растеряется, скажет «пи-пип», и невидимые ворота откроются перед на хрен Дана не нужным чёрт знает кем. Вряд ли так действительно будет, но проверять неохота. Не только Дана, а даже мне.

• Что мы знаем о баре «Крепость»?

Что однажды, уже давно, примерно в две тысячи пятом Дана получила наследство, не от родни, а от старого друга, художника. В юности они были не разлей вода, потом, как говорят в таких случаях, судьба раскидала, через много лет снова свела, и это был отличный подарок; жалко, что ненадолго, но лучше так, чем никак. Пятрас тогда уже сильно болел, заранее утешал подружку: помру, оставлю тебе в наследство свою мастерскую, чтобы без меня не скучала, откроешь там бар. Дана только кривилась — что за глупые шутки? Не надо так. Но маленькую квартиру в полуподвале, где у него много лет была мастерская, Пятрас ей действительно завещал. Дана, как уже говорилось выше, ни за что на свете не хотела связываться с разрешениями, лицензиями, бухгалтерией и прочей фигнёй. Но и последнюю волю мёртвого друга совсем уж игнорировать не могла. Поэтому поначалу просто приходила туда пару раз в неделю по вечерам, приглашала их с Пятрасом

общих знакомых выпить и поболтать, сперва обзванивала по списку, потом рассылала напоминания-смс, а потом все и сами привыкли, что по средам и субботам, если вечером окажешься в центре, можно зайти к Дана на кофе и рюмку чего-то покрепче. И заходили, очень уж хорошо там сиделось, и разговоры велись такие, как в юности, когда всё на свете больно и интересно, и сердце такое огромное, что в теле едва помещается, и сам ты — самый несчастный на белом свете, самый счастливый в мире дурак.

Кто первым, уходя, оставил десятку под чашкой, теперь уже не припомнишь, но остальные это увидели и сразу решили, что так будет честно, Дана не должна всё время напитки за свой счёт покупать. Примерно тогда же Дана заметила, что если кто-то ей вдруг разонравился, разочаровал её, поглупел, поскукнел, надоел, можно не обижать человека, не показывать, что ему здесь не рады, он и сам больше к ней никогда не придёт, будет занят, или, к примеру, переедет жить куда-нибудь в пригород, или напроочь забудет про её вечеринки, и никто ему не напомнит, с собой не приведёт. Не потому что Дана просила, а просто — ну, не захочется, не сложится, не совпадёт.

• Что мы знаем о баре «Крепость»?

Что вывеску, потемневшую от времени доску с выжженной надписью «Крепость», «Tvrtové», Дана подарили друзья на новый — две тысячи то ли восьмой, то ли девятый, точно сейчас не припомнить — год. Приколотили над входом — в шутку, только на праздничный вечер, обмотали разноцветными огоньками на батарейках, обещали завтра же все украшения снять. Гирлянду и правда убрали примерно через неделю, после того, как окончательно сели аккумуляторы, а вывеска так и осталась.

Дана была не против. Подумала: Пятрас был бы этому рад.

• Что мы знаем о баре «Крепость»?

Что примерно месяц спустя после того, как над входом смеху ради повесили вывеску, Дана стала замечать среди гостей незнакомцев; ну, это понятно: идёт человек по улице, видит вывеску, думает, тут настоящий бар, заходит, получает кофе или джин-тоник, оглядывается, знакомится, втягивается в разговор. Короче, пока разберёшься, что попал не в бар, а в чью-то квартиру, уже не хочется уходить, благо в шею никто не гонит, напротив, строгая с виду хозяйка приветливо улыбается, предлагает партию в нарды, горячий бутерброд из духовки или бокал вина. Денег за угощение никто не требует, здесь ничем не торгуют, ты просто в гостях, но когда замечаешь, что перед уходом каждый суёт купюру в жестянку на подоконнике, сам тоже делаешь так.

• Что мы знаем о баре «Крепость»?

Что со временем Дана стала приходить в бывшую мастерскую под вывеской «Крепость» всё чаще, потому что — так она себе объясняла — ей просто нравилось проводить там свои вечера. Ну, это правда, если бы Дана не нравилось, она бы быстро прикрыла этот уютный притон к чертям. Но Дана чем дальше, тем больше входила во вкус, ей пришлось по душе мешать для гостей коктейли, печь сухарики с сыром, заваривать чай, обниматься с приятелями, очаровывать незнакомцев, заводить новых друзей. Дело кончилось тем, что когда закрылась сувенирная лавка, где Дана последние восемь лет проработала, она не стала искать себе новое место, зачем нужна дополнительная работа, когда у тебя уже есть свой бар.

• Что мы знаем о баре «Крепость»?

Что официально он до сих пор не является баром, поэтому его не касаются никакие запреты; к примеру, там можно курить, благо от Пятраса осталась мощная вытяжка, он в мастерской вечно какие-то вонючие лаки мешал. И на карантин «Крепость», конечно, не закрывалась — по документам это просто квартира, нечего закрывать. Кого-то другого давным-давно бы вывели на чистую воду и прикрыли, в лучшем случае выписав штраф, но к Дана, как было сказано выше, представители власти никогда не заходят. И за столько лет ни одного стукача. Что касается ближайших соседей, все они уже давно завсегдатаи «Крепости», включая старуху Мальвину, которая азартно скандалит со всеми жильцами и просто невовремя попавшими ей на глаза прохожими, а к Дана ходит пить чай и печёт ей в подарок смешные чёрные кексы; на каждом взбитом сливочным кремом изображён условно ужасающий выпученный глаз.

• Что мы знаем о баре «Крепость»?

Что с тех пор, как там появился Артур, подменяющий Дану, «Крепость» работает каждый день от заката (то есть, скажем, в июне нет смысла приходить сюда раньше десяти вечера, зато в январе бар всегда открывается в пять) — и до последнего посетителя; на самом деле, часто — и после последнего посетителя, Дана с Артуром способны сидеть и болтать почти до утра, а потом ещё по дороге домой, провожая друг друга, они большие друзья.

• Что мы знаем о баре «Крепость»?

Что вот прямо сейчас Дана уже в двух кварталах отсюда. Сегодня её очередь открывать.